

РѢЧИ

при погребеніи Н. Н. Пузанова.

I.

Дорогой Николай Никаноровичъ!

Позволь мнѣ, какъ близкому къ тебѣ товарищу и вѣрному другу, въ эти святые и страшные минуты нарушить твой тихій сонъ и торжественно-молчаливый покой. Внутреннее чувство дружбы, соединявшее насъ крѣпкими интимными узами съ самыхъ первыхъ шаговъ нашей одновременной дѣятельности въ родной Академіи, даетъ мнѣ основаніе къ дерзновенію сказать тебѣ и о тебѣ при послѣднемъ „прости“ нѣсколько словъ. Мнѣ хотѣлось, хотя бы кратко, предъ этимъ сонмомъ молящихся о упокоеніи твоей души, начертать ея чистый и дѣлственный образъ, такъ какъ этотъ послѣдній извѣстенъ мнѣ болѣе, чѣмъ кому либо другому. Пусть твоя скромность, незабвенный товарищъ и другъ, проститъ меня за то, что я коснусь нѣкоторыхъ фактовъ и чертъ изъ жизни твоего „я“.

Ты, дорогой Николай Никаноровичъ, былъ честнымъ работникомъ и вѣрнымъ исполнителемъ своего учено-учебнаго долга. Правда, твоя академическая дѣятельность не успѣла еще развернуться и вылиться въ столь опредѣленные формы, чтобы можно было вѣрно учесть ея значеніе: ты умеръ въ тотъ моментъ, когда еще только выщелъ „надѣланіе свое“, и когда казалось, что еще нескоро насту-

лнить вечеръ, и еще не такъ быстро жизнь твоя склонится „къ западу“, но всѣ знающіе тебя близко смѣло и по совѣсти могутъ сказать, что ты съ великою ревностью принялся за свои ученые занятія и не жалѣлъ отдавать имъ свои силы. Срочность работы на ученую степень съ одной стороны и изготавленіе необходимыхъ лекцій съ другой, требовали отъ тебя въ буквальный смыслъ удвоенной энергіи, чрезмѣрнаго расхода силъ. И въ то время какъ мы, большинство твоихъ сослуживцевъ, имѣли возможность воспользоваться большимъ или меньшимъ отдыхомъ, ты и не смѣлъ мечтать о досугѣ и непрерывно—безъ всякаго промежутка—трудился и работалъ. А скудные матеріальныя средства были причиною того, что ты даже въ этой напряженной работѣ не имѣлъ возможности поставить себя въ болѣе лучшія и здоровыя условія содержанія и обстановки, занимаясь въ полутемной низкой и холодной зимой квартирѣ. И чтоже? Ни одного слова ропота, настойчивое терпѣніе и привязанность къ наукѣ! Съ какою радостью ты лелѣялъ мысль, когда сдѣлаешься хозяиномъ въ наукѣ, и когда будешь имѣть возможность, уѣхать для усовершенія своихъ познаній на время заграницу!

Отдавался своему спеціальному предмету, ты не замыкался только въ немъ исключительно, а живо интересовался всей жизнью академіи, перенесшю за небольшой періодъ времени много тяжелыхъ испытаній. Мнѣ перазъ приходилось видѣть, какою невыразимою горечью и грустью сжималось твое сердце, когда съ разныхъ сторонъ, нерѣдко даже подъ видомъ желанія блага Академіи, раздавались по отношенію къ ней глумленія, клеветы и злорѣчья. Ты всегда искренно желалъ преслѣнія и расширенія научныхъ познаній въ Академіи и смотрѣлъ съ тревогой въ неизвѣстное будущее. Помню, какъ ты однажды, едва лишь на небѣ появился утренній разсвѣтъ, торопливо пришелъ ко мнѣ подѣлиться мучившими многихъ изъ насъ въ то время но-

просами, связанными съ наукой и Академіей. Даже и во время своей болѣзни ты всегда у лицъ, посѣщающихъ тебя, спрашивалъ: „ну, какъ у насъ въ Академіи? Нѣтъ ли чего либо новаго“? А на совѣты лежать покойно и не утомлять мозга—ты отвѣчалъ: „не могу! У меня все роятся проблемы въ головѣ на счетъ сочиненій и занятій“.

Честь и слава тебѣ добросовѣстный труженикъ науки, вѣрный ученикъ и признательный наставникъ родной намъ Академіи! Академія впишетъ твое имя на страницы своей исторіи свѣтлыми буквами, какъ честнаго труженика и благодарнаго сына, ревновавшаго о ея славѣ и процвѣтаніи!

Въ твоёмъ лицѣ, дорогой товарищъ, лишились мы и благороднѣйшаго человѣка, въ самомъ возвышенномъ значеніи этого слова. Какъ къ сослуживцамъ, такъ и студентамъ ты относился съ мягкою деликатностью, въ которой чувствовалась неподдѣльная искренность и уваженіе достоинства чужого „я“. Внутренне благородство въ соединеніи съ скромностью и нѣкоторою застѣнчивостью придавали своеобразную симпатичную прелесть твоему образу, привлекающую къ тебѣ многихъ. Уже съ перваго знакомства чувствовалось обаяніе твоей сердечности и простоты, которыя при дальнѣйшемъ общеніи съ тобою все болѣе и болѣе обнаруживались. Кто бы къ тебѣ ни приходилъ и въ какой бы то ни было моментъ, ты всегда былъ одинаково радушенъ, гостеприименъ. Ты обладалъ непонятною тайной гармонической уравновѣженности характера, которая привлекала къ тебѣ лицъ даже различныхъ отъ тебя по своимъ воззрѣніямъ и убѣжденіямъ. Оттого то многие любили тебя, дорогой Николай Никаноровичъ, всегда радушно бесѣдовали съ тобой и дѣлились своимъ настроеніемъ. Положительныхъ отзывовъ въ этомъ отношеніи, мнѣ, еще при твоей жизни, пришлось слышать очень и очень немало.

Какъ наблюдавшій близко твою жизнь, я не могу умолчать о тебѣ, какъ христіанинѣ, свято исполнявшемъ свой

христіанскій долгъ, и какъ о рѣдкостномъ сынѣ, горячо любившемъ свою мать. Слагая и блюда въ своемъ сердцѣ за вѣты Христа, ты и во внѣшнихъ формахъ старался поддерживать укладъ православно—христіанской семьи; въ этомъ случаѣ нужно лишь было наблюдать тебя въ храмѣ или домашней обстановкѣ въ такіа священныя христіанскія времена, какъ праздники и посты. Ты съ живѣйшей радостью изъяснилъ желаніе соединиться со Христомъ чрезъ таинство евхаристіи во время своей тяжелой болѣзни предварительно облегчивши душу сердечнымъ покаяніемъ. Скованный вполнѣдствіи болѣе сильными припадками болѣзни и будучи уже не въ полномъ сознаніи, ты при принятіи таинства елеосвященія дѣлалъ не разъ попытки ослабѣвшой и безсильной рукой осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ!

А сколько въ моей памяти хранятся тѣхъ мелкихъ чертъ, выплывавшихъ въ твоемъ отношеніи къ матери, свидѣтелемъ которыхъ былъ я, и которыя ясно говорили о твоемъ горячемъ сыновнемъ любящемъ сердцѣ? Каждое ея движеніе и желаніе находили тотчасъ же откликъ въ тво-емъ заботливомъ о ней попеченіи. И при первомъ нашемъ свиданіи послѣ каникулъ теперь, когда болѣзнь твердо приковала тебя къ постели, на мой вопросъ, „какъ чувствуете“ ты отвѣтилъ—„я то ничего, жаль только мамы“; при дальнѣйшихъ неоднократныхъ посѣщеніяхъ, когда еще ты могъ говорить, я только и слышалъ отъ тебя сыновнія просьбы не оставить послѣ твоей смерти бѣдной матери. Съ заботливою нѣжностью, ты, нуждавшійся въ особомъ тщательномъ уходѣ за собой, рѣшительно отклонялъ частыя посѣщенія твоей матерью больницы и особенно продолжительныя въ ней пребыванія... „я не хочу, чтобы она волновалась и безпокоилась“. Эти выраженія сыновней ласки были для меня доступны и очевидны, а сколько изжито и выстрадано въ глубинѣ души, неуловимыхъ для посторонняго наблюдателя, мыслей и опасеній за ея будущее—извѣстно

лишь Высочайшему Сердцевѣдцу. Знаю только, что ихъ было много и онѣ были мучительны!

Цѣлостность твоей натуры сказалась, дорогой товарищъ, и въ твоихъ страданіяхъ!

Злая болѣзнь постепенно подкашивала твой довольно сильный, но ослабленный условіями жизни и тяжелымъ трудомъ, организмъ. Ты уже давно—въ самомъ началѣ болѣзни предчувствовалъ холодное дыханіе смерти и выражался словами одного изъ ветхозавѣтныхъ лицъ „какъ журавль, какъ ласточка издавалъ звуки, тосковалъ, какъ голубь, уныло смотрѣли глаза твои къ небу и говорили: Господи! тѣсно мнѣ; спаси меня“ (Исаи 38, 13—14). Но въ этой единственной жаждѣ жизни и опасенія смерти ты боялся за неоконченное дѣло, за неосуществленные преднамѣченные планы и за оставляемыхъ тобою близкихъ родныхъ. Слышавшіе отъ тебя эти опасенія могутъ лишь засвидѣтельствовать, что ты въ тяжкихъ страданіяхъ сохранилъ христіанское терпѣніе, неомраченное буквально ни единымъ словомъ ропота на Всевышняго Промыслителя!

Ни врачебная помощь, ни горячія и искреннія молитвы близкихъ тебѣ лицъ не возстановили тебя. Страшная смерть—„этотъ приговоръ отъ Господа надъ всякою плотью“ (Ис. С. С. 41; 1) совершила свое дѣло. Уже нѣтъ съ нами въ живыхъ честнаго труженика науки, рѣдкаго человѣка, истиннаго христіанина, любящаго сына, нѣтъ дорогого друга и товарища—Николай Никаноровича!

Тяжело. Нашъ разумъ останавливается въ недоумѣніи, зачѣмъ это? Къ чему? Но если почившій не позволялъ себѣ и во время тяжкихъ страданій роптать на Бога, то выступая съ этими вопросами не оскорбимъ ли мы Всевышняго? Не будетъ ли это равносильно тому, чтобы „омрачать Провидѣніе словами безъ смысла“ (Іов. 38, 2). Народно-христіанское сознаніе въ такихъ случаяхъ ранней смерти видитъ объясненіе въ томъ, что „хорошіе люди Богу

нужны". Можетъ быть и умершій нашъ собрать „дорогъ въ очахъ Его, многоцѣненъ и Онъ возлюбилъ его" (Исаи 43, 4—5).

Да и къ чему всѣ эти сомнѣнія, вопрошанія и объясненія? Проникая въ тайну жизни и смерти очами вѣры, развѣ мы, христіане, не знаемъ, что Христосъ воскресъ и даровалъ своими искупительными заслугами всѣмъ намъ воскресеніе? Развѣ мы не знаемъ, что врагъ нашъ — смерть „истребится" (1 Кор. 15, 26)? Развѣ мы не знаемъ, что „сѣется въ тлѣніи, возстаетъ въ нетлѣніи; сѣется въ униженіи, возстаетъ въ славѣ, сѣется въ немощи, возстаетъ въ силѣ" (1 Кор. 15, 42, 44)? А если такъ, то не присутствуемъ ли мы здѣсь, братіе христіане, на великомъ торжествѣ „мира вѣры". Отрѣмъ слезу и возрадуемся о почившемъ братѣ: помолимся о томъ, чтобы Высочайшая Истина и Жизнь сподобила видѣть почившаго лицомъ къ лицу то Вѣчное Солнце Правды, къ которому онъ стремился въ возвышенно-отвлеченныхъ гаданіяхъ своей науки. Прими же, дорогой Николай Никаноровичъ, земной поклонъ отъ меня, всегда искренно любившаго тебя и преданнаго тебѣ товарища и друга.

В. Поповъ.

II.

Какъ и въ прошедшіе годы наша академическая семья со скорбію начинаетъ свой учебный годъ свѣжей могилой юнаго труженика науки.

На Флоровскомъ кладбищѣ къ еще нестарой могилѣ покойнаго Петра Ивановича нынѣ прибавится могила его ученика и преемника по кафедрѣ. Кто бы могъ думать и предполагать, что нашъ дорогой Николай Никаноровичъ такъ рано, на зарѣ своей ученой дѣятельности, отойдетъ ко Господу?

Труды Киевск. Дух. Акад. Т. III. 1909 г.

Полный надеждъ и возвышенныхъ стремленій, смиренный, кроткій и отзывчивый, горячо любившій своихъ родныхъ и Академію, онъ какъ то тихо и незамѣтно среди непрерывнаго труда жилъ въ кругу академической семьи. Мы, студенты, мало знали его личную жизнь, лишь немногіе изъ насъ обращались къ покойному за совѣтами и указаніями по различнымъ научнымъ вопросамъ, а онъ, съ любовію и охотно удовлетворяя насъ, гораздо чаще, по смиренію и свойственной ему застѣнчивости, отсылалъ насъ къ другимъ, болѣе опытнымъ въ руководствѣ молодыми силами профессорамъ.

И вотъ, нашъ дорогой и всѣми любимый Николай Никаноровичъ, когда ему жизнь еще только общала лучшее будущее, такъ безвременно по нашимъ слабымъ человѣческимъ соображеніямъ оставилъ насъ! Излишни будутъ, братіе, похвалы почившему и выраженія нашей скорби тамъ, гдѣ каждому подсказываетъ сердце, а невольныя у многихъ слезы говорятъ громче всякихъ словъ. Нѣтъ у насъ по человѣческимъ соображеніямъ и слова утѣшенія другъ другу и плачущимъ роднымъ. *Скорбь велика, а утѣшающая нѣтъ!* Утѣшить насъ всѣхъ можетъ только вѣра въ то, что „судьбы Божіи непостижимы, и неизлѣдимы пути Его“, что надъ почившимъ совершилась, конечно, „воля Божія“. А не исполнилось ли на немъ то, во что такъ вѣрить нашъ народъ, что смиренныя и праведные люди нужны Богу и Онъ рано ихъ беретъ къ Себѣ? Не утѣшать ли насъ и слова Премудраго, сказанныя о преждевременной, повидимому, смерти человѣка праведнаго: „восхищенъ бысть, да не злоба измѣнитъ разума его, или лѣсть прельститъ душу его: удобна бо бѣ Господси душа его, сего ради потицася отъ среды лукавствія?“ Надъ почившимъ исполняется и обѣтованіе Божіе: „блажени мертвіи, умирающіе о Господѣ отнынѣ; ей, маюлетъ Духъ, да почиютьъ отъ трудовъ своихъ: дѣла бо ихъ ходятъ въ смѣхъ съ ними“. Почившій умеръ „о Господѣ“, съ полной вѣрой въ Бога, съ

принятіемъ святыхъ Божественныхъ Таинъ, напутствованный всѣми священными послѣдованіями, какими только Церковь приготовляетъ христіанна къ кончинѣ. Смиреніе же и любовь, отличительныя черты покойнаго, пойдутъ за нимъ въ жизнь вѣчную. Удостоимся ли и мы, братіе, такой же христіанской кончины живота, какъ покойный, сохранимъ ли ту же свѣжесть и искренность юныхъ стремленій, полнали будетъ наша душа такой же любви къ Богу и ближнимъ, такой-же жажды познанія Божественныхъ Таинъ, какія отличали покойнаго? Сохранимся ли мы чистыми отъ себялюбиваго служенія кумирамъ вѣка сего и неомраченными страстями и неискренностью? О если бы далъ Господь, чтобы это было такъ! А о почившемъ со смиреніемъ исповѣдуемъ, что онъ былъ добрымъ христіаниномъ и убѣжденнымъ носителемъ лучшихъ академическихъ идеаловъ.

Почившій неутомимо стремился къ познанію истины и смысла личнаго, общественнаго и міроваго бытія, онъ жаждалъ познать сущее, познать Божественное, а человѣческая жизнь привлекала его вниманіе не столько въ суетной современности, сколько въ историческихъ судьбахъ народа Божія, судьбахъ назидательныхъ и умилительныхъ. Вѣрится въ то, что Господь удостоилъ почившаго блаженнаго общенія съ Собою, а его стремленіе къ знанію тамъ найдетъ полное удовлетвореніе въ познаніи Божественныхъ таинъ вѣчнаго богословія.

А мы, братіе, исполнимъ послѣднюю просьбу почившаго, какая слышится въ священныхъ пѣснопѣніяхъ совершающагося чина отпѣванія. Да вознесется же къ Богу теплая молитва всей Церкви, Первосвятителя, Святителя, Черевъ Божіихъ, всѣхъ предстоящихъ, всей нашей Академіи и всѣхъ собравшихся сюда—объ упокоеніи раба Божія Николая въ селеніяхъ праведныхъ! Аминь.

Студентъ IV курса Александръ Пурлевскій